

КОМПОЗИЦИЯ СИСТЕМЫ ПЕРСОНАЖЕЙ В КОНТЕКСТЕ ЭКЗЕГЕЗЫ ЕВАНГЕЛЬСКИХ ЗАЧАЛ

Священник Дмитрий Барицкий

кандидат богословия
доцент кафедры филологии Московской духовной академии
141300, Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра, Академия
baricky1981@yandex.ru

Аннотация

В настоящей статье автор ставит перед собой цель продемонстрировать продуктивность использования методов литературоведческого анализа в контексте интерпретации Священного Писания. Внимание автора сосредоточено на особенностях поэтики евангельских зачал, а именно на особенностях композиции представленной в них системы персонажей.

Ключевые слова: Евангелие, зачало, поэтика, композиция, персонаж, проповедь, герменевтика, экзегеза.

1

Интерпретация библейского текста – задача, которая во все времена стояла перед церковным сознанием и которая никогда не потеряет свою актуальность. По этой причине в рамках христианской традиции такое большое внимание уделялось герменевтике как науке о принципах и приёмах толкования Священного Писания. Герменевтический инструментарий складывался на протяжении длительного времени, и каждая эпоха внесла в его формирование свою лепту.

Очевидно, что те формальные методы, которые использовались христианскими экзегетами, не являются по своему существу специфически христианскими. Они были заимствованы из арсенала светских наук, и в первую очередь наук гуманитарных, первичной данностью которых является текст. Поскольку гуманитаристика продолжает развиваться, одна из жизненно важных задач, которая стоит перед современной библеистикой, – обеспечить рецепцию того опыта, который накопила эта область человеческого знания в сфере методологии, чтобы использовать его для интерпретации Священного Писания.

В настоящей статье мы хотели бы продемонстрировать, как можно применить тот потенциал, которым обладает литературоведение, а именно такая его важная часть, как поэтика, в рамках библейской экзегезы.

2

Традиционно под поэтикой (или теорией литературы) понимают одну из старейших литературоведческих дисциплин, а именно науку о системе средств выражения в литературном произведении. Цель поэтики – выявление и систематизация различных элементов словесного текста, которые формируют внутренний мир литературного произведения. В соответствии с этой целью первое, на что обращает внимание поэтика, – звуковое, словесное и образное строение текста. Отсюда в её рамках выделяют три направления:

- 1) стиховедение (стихосложение) – изучает фоннику, ритмику, метрику и строфику;
- 2) стилистика – изучает особенности лексики, морфологии и синтаксиса произведения;
- 3) топика (тематика, поэтика в узком смысле слова) – изучает образный мир произведения (образы персонажей, пейзаж, мир

вещей, образ пространства и времени и т. п.), сюжеты, мотивы, особенности повествования произведения того или иного жанра.

В конечном счёте, изучив все вышеперечисленные аспекты, поэтика стремится воссоздать композиционную модель произведения, то есть установить взаимную «соотнесённость всех эстетически значимых элементов произведения (композиция фоническая, метрическая, стилистическая, образно-сюжетная и общая, их объединяющая) в их функциональной взаимности с художественным целым»¹. Это помогает реконструировать содержание произведения, чтобы «или воссоздать его авторский замысел (“чем был Гамлет для Шекспира?”), или вписать его в культуру меняющихся эпох (“что значит Гамлет для нас?”)»².

Христианские экзегеты довольно широко использовали в своём толковании Священного Писания элементы поэтического анализа. Так, например, блж. Иероним изучал поэтику библейского текста в свете поэтики классической литературы, уделяя внимание такому её разделу, как стихосложение. «Что может быть музыкальнее Псалтири, которая по образцу нашего Флакка (Горация) или греческого Пиндара то струится ямбом, то кружится алкеевой строфой, то увеличивается до сапфической строфы, или движется полустопами. Что может быть прекраснее, чем гимны Второзакония или Исаии? Что более торжественно, нежели Соломон, более отточено, чем Иов? Все эти книги, как писали о том Иосиф и Ориген, живут по закону гекзаметра и пентаметра»³.

Свт. Григорий Богослов останавливает своё внимание на стилистике Священного Писания. По его словам, «Писание часто олицетворяет многие даже и бездушные вещи, например, “море говорит” то и то (Ис. 23, 4), и “бездна говорит: не во мне она” (Иов 28, 14); также “небеса” представлены “проповедующими славу” Божию (Пс. 18, 1), и мечу повелевается нечто (Зах. 13, 7), горы и холмы вопрошаются о причинах вздыгания (Пс. 113, 6)»⁴.

1 Гаспаров М. Л., Фридлендер Г. М. Поэтика // Литературный энциклопедический словарь. URL: https://literary_encyclopedia.academic.ru/6715/%D0%9F%D0%9E%D0%AD%D0%A2%D0%98%D0%9A%D0%90 (дата обращения: 20.12.2018).

2 Там же.

3 Цит по: Kugel J. L. The Idea of Biblical Poetry. Parallelism and its history. New Haven, 1981. P. 152.

4 Григорий Богослов, свт. Слова. Слово 30: О богословии четвертое, о Боге Сыне второе. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Grigoriy_Bogoslov/slovo/30 (дата обращения: 20.12.2018).

Прп. Ефрем Сирин, в своём толковании на книгу Бытия, также оперирует литературоведческими понятиями. Это помогает ему интерпретировать слова Писания *И сказал Господь Бог: вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло* (Быт. 3, 22а) как содержащие в себе иронию. По его словам, здесь «Бог открывает тайну Святой Троицы, но вместе посмеивается Адаму, напоминая сказанное змием: “будете яко бози, ведяще доброе и лукавое”»⁵.

Однако в применении элементов литературоведческого анализа к тексту Писания христианские экзегеты остаются представителями научной мысли своей эпохи. Несмотря на то, что они обращаются к таким разделам поэтики, как стиховедения и стилистика, они очень редко работают с топикой библейских книг. И это закономерно: «Если стиховедение и стилистика разрабатывались в поэтике с древнейших времён, то топка, наоборот, разрабатывалась мало»⁶. Особое внимание этому разделу поэтики произведения начинает уделяться в XIX–XX вв. На Западе эти наработки (многие из которых, кстати, изначально были предложены нашими соотечественниками, в первую очередь представителями так называемой «формальной школы») активно переносятся в пространство библейских исследований. Благодаря этому возникли такие виды литературного анализа Священного Писания, как, например, нарративный, риторический, метод читательского отклика и т. д. В отечественной библеистике по ряду причин этого не произошло, а потому и топике библейского текста практически не уделяется внимания. Литературный анализ сводится к стиховедческому или стилистическому.

На наш взгляд, это огромное упущение. Поскольку именно обращение к топике может быть продуктивно использовано не только для целей сугубо научных, но и для целей практических, в первую очередь в деле проповеди. Например, в рамках экзегезы евангельских зачал. Чтобы продемонстрировать это, сосредоточимся на таком важном элементе поэтической организации библейского текста, как композиция системы персонажей.

Выбор именно этого аспекта поэтической организации евангельского повествования не случаен. Уже Л. Н. Толстой говорил об авторской идее как о «внутренней связи» в произведении. По его словам, «связь постройки сделана не на фабуле и не на отношениях (знакомстве лиц),

5 *Ефрем Сирин, прп.* Толкование на книгу Бытия. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Efrem_Sirin/tolkovanie-na-knigu-bytija/3 (дата обращения: 20.12.2018).

6 *Гаспаров М. Л., Фридендер Г. М.* Поэтика.

а на внутренней связи»⁷. По словам М. М. Бахтина, «мы встречаем активного автора прежде всего в композиции произведения»⁸, то есть именно в композиции выражается авторская воля, его система ценностей, становится очевидна авторская интенция.

Что касается системы персонажей, так это наиболее значимая часть мира литературного произведения. Персонажи связаны участием в тех событиях, о которых идёт речь в повествовании. Анализ системы персонажей помогает нам выявить главную мысль, которая объединяет героев в мире произведения.

3

Перед тем как перейти непосредственно к конкретным примерам анализа, отметим те принципы, на которые мы опираемся в нашей экзегезе.

1. Каждое зачало мы склонны рассматривать не как случайный отрывок, вырванный из контекста библейского повествования, но как цельную, законченную в себе историю. Эта история имеет все свойственные ей компоненты: пролог, завязку, кульминацию, развязку, эпилог. Вместе они образуют сюжетную линию, которая приходит в движение благодаря конфликту. Каждый поэтический элемент этой истории значим с точки зрения обнаружения смысла всего отрывка.

2. А priori каждое евангельское зачало предлагает нам некий урок. Наша задача, опираясь на те поэтические категории, которые изначально присутствуют в повествовании (в первую очередь систему персонажей), этот урок извлечь и сделать его актуальным для своих слушателей. В соответствии с этим мы выделяем три этапа толкования:

- а) Выявить как можно больше интересующих нас поэтических элементов повествования в данном отрывке, из них наиболее важные – образы героев, а также уделить внимание пейзажу, миру вещей, времени и пространству, конфликту.
- б) Установить связь между максимально большим количеством выявленных поэтических элементов повествования, причём так, чтобы их расположение и взаимосвязь обнаруживали определённую логику, идею, которая присутствует в тексте

7 Цит. по: Романова Г. И. Практика анализа литературного произведения (русская классика). М., 2017. С. 12.

8 Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 403.

на невербальном уровне. В конечном счёте речь идёт об обнаружении определённой структуры, которую эти элементы формируют и которая является источником дополнительных значений.

- с) Те дополнительные значения, которые мы обнаружили в евангельском отрывке, должны стать универсальной моделью, которая должна быть актуализирована для современной аудитории.

4

Первое зачало, которое мы рассмотрим, – рассказ о чудесном насыщении пяти тысяч человек (см. Ин. 6, 5–14).

История начинается с упоминания о том, что Спаситель хочет испытать Филиппа, предлагая ему, а в его лице и всем апостолам, трудную задачу. Этот конфликт, который обусловлен вопросом-просьбой Христа и реальными возможностями учеников, становится основным двигателем сюжета. Активное участие в нем принимают двое – Филипп и Андрей. Именно эти два образа формируют определённую структуру, основанную на противопоставлении. Образ Господа в этом противопоставлении не участвует, Он словно оказывается над ситуацией (как в большинстве случаев) и выполняет функцию своеобразного критерия, в соответствии с которым мы даём оценку словам и поступкам других персонажей.

О настроениях Филиппа нам сообщает такой важный элемент повествования, как упоминание о двухстах динариях. При его помощи делается намёк на внутреннюю активность апостола. Очевидно, что он подсчитывает в уме, сколько денег необходимо для того, чтобы прокормить такую толпу. Получается весьма немаленькая сумма. Подёнщик зарабатывал всего один динарий. Можно дерзнуть восстановить ход мысли апостола: «Даже если работать полгода, – думает он, – этого все равно будет недостаточно». Видимо, именно эти мысли и не дают ему предпринять какие-то конкретные действия. Ведь что бы ты ни сделал, ситуация остаётся тупиковой.

Иначе действует Андрей. Особо не рассуждая, он сразу переходит к делу. Пытается хоть как-то решить проблему: приводит мальчика, у которого оказались пять ячменных хлебцов и две маленькие рыбки. В итоге, когда всё, что можно было сделать, сделано, Андрей показывает Богу результат своего труда. Важный момент: его сокрушение о том,

что сильно это делу не поможет, можно понимать не как разочарование и пассивность Филиппа, а как то, что он приложил предельный максимум усилий для решения проблемы и его человеческий ресурс объективно иссяк.

Итак, перед нами два персонажа, которые репрезентуют два образа действия: совершенное бездействие под влиянием внешних обстоятельств и максимально возможное усилие. Именно второе приводит к разрешению конфликта, снятию напряжения в повествовании. Для Господа оказывается достаточно тех усилий, которые приложил Андрей. В ответ на них Он и творит чудо. Так повествование указывает нам на верную стратегию поведения.

Теперь мы можем перейти к формулированию идеи этого отрывка. Она может быть такой: самое бесперспективное начинание увенчается успехом, если человек предпримет максимум усилий со своей стороны. Сам Бог завершит то, что он начал.

Важную роль играет и образ 12 коробов. С одной стороны, он указывает масштаб успеха, который превосходит всяческие ожидания. С другой – показывает, что это был урок не только для Филиппа, но для всех учеников, которые должны ощутить результат чуда в собственных руках.

После того как мы установили связь между компонентами повествования, выявили систему образов, которая вывела нас на определённую идею, можно перейти к актуализации. Причём сделать этот переход нас в каком-то смысле обязывает сам текст. Раз испытанию подвергся Филипп, а в результате урок обращён ко всем апостолам (на это намекает образ 12 коробов), логично предположить, что он обращён и к остальным последователям Христа.

Пример актуализации: «Порой жизнь предлагает сложные задачи, которые кажутся невыполнимыми. Подобно апостолам, глядя на них, мы испытываем недоумение. Но каждый раз, когда такое случается, попробуем представить, что это всего лишь проверка. Ни в коем случае нельзя опускать руки и останавливаться в бездействии. Всё, что Господь ожидает – максимум усилий с нашей стороны. И пускай дело кажется совсем безнадежным. Если есть на то Его святая воля, Он Сам его завершит. Причём конечный результат во много раз превзойдёт все наши самые смелые ожидания».

Ещё одно зачало – рассказ об исцелении дочери Иаира и о кровоточивой (Лк. 8, 41–56). Здесь задача усложняется, и в первую очередь потому, что перед нами две истории, одна из которых вписана в другую. На первый взгляд они совершенно не связаны друг с другом.

Однако при внимательном рассмотрении становится очевидным, что перед нами очень продуманная повествовательная структура, все детали которой строго симметричны друг другу.

Так же как и в предыдущем случае, сосредоточим внимание на образах персонажей. Как и раньше, Спаситель находится над ситуацией и является критерием, относительно которого даётся оценка действиям героев истории.

В первую очередь нас интересует Иаир. Он был начальником синагоги, то есть состоятельным человеком. Скорее всего, Иаир был законником и принадлежал к фарисейской партии, которая к тому времени уже смотрела на Спасителя с подозрением, считала Его нарушителем закона. Возможно, Иаир не был исключением. Но вот тяжело заболевает единственная дочь. Девочке 12 лет. Обращение Иаира ко Христу при всех может быть свидетельством его отчаяния. Он обращается за помощью к Тому, против Кого враждовали его соратники, а возможно, некогда и он сам. Вероятно, он всё испробовал, и Господь – его последняя надежда. Итак, дочери 12 лет, Иаир в отчаянии, его последняя надежда – Спаситель, в результате он совершает нечто предосудительное (в глазах своих коллег).

Нечто подобное мы видим и в случае с кровоточивой. Если дочь Иаира умирала в двенадцать лет, то эта женщина двенадцать лет мучилась от тяжкой болезни. О степени её отчаяния говорит то, что она всё истратила на врачей, а также её поступок. Вспомним, что любой тактильный контакт с кровоточивой делал окружающих нечистыми (см. Лев. 15), как если бы они прикоснулись к труп. Женщина в таком отчаянии и преисполнена такой надежды, что дерзает нарушить закон: касаясь окружающих её людей, она проходит через толпу и дотрагивается до Иисуса. Итак, 12 лет страдает, подобно Иаиру, в отчаянии, Спаситель – её последняя надежда, совершает нечто предосудительное.

Параллелизм ситуаций усиливается действиями Христа. В ответ на порыв этих людей Он воскрешает умершую дочь и избавляет от тяжкой болезни женщину. Причём важно, что и в первом, и во втором случае Господь Сам пренебрегает ритуальными нормами, не обращает на них внимания: ведь формально обе они нечистые. Однако женщина получает исцеление через прикосновение (Господь не порицает её за это), через прикосновение воскрешена и дочь Иаира (не случайно сказано, что Он взял её за руку).

К слову, симметричны не только образы повествования. Определённую симметрию мы наблюдаем и в развитии сюжета. В обеих

историях он делает неожиданный поворот: в истории Иаира – это весть о смерти дочери, в истории кровоточивой – её разоблачение. Оба сюжетных поворота призваны сделать акцент на теме веры, которая обнаруживается через испытание.

Отдельно необходимо сказать о числе 12. Можно предположить, что оно не случайно и вводит в текст с одной стороны тему избранничества, ученичества (12 апостолов), с другой стороны – здесь есть намёк на тему готовности к тому, чтобы быть отверженным окружающими ради Христа.

В отличие от первого зачала здесь нет противопоставления между Иаиром и кровоточивой. Перед нами повествовательный дублет, который усиливает идею отрывка, показывает действие одного и того же закона в двух разных ситуациях. Как первый, так и вторая сталкиваются с реальностью смерти. Как первый, так и вторая в отчаянии и душевном порыве обращаются ко Христу как к последней надежде, не обращая внимания на те условности, которые делают их поступок предосудительным в глазах окружающих людей. Именно этот порыв и получает от Господа высокую оценку.

Собственно, последнее, что нам осталось, – применить эти значения к современной ситуации.

Пример актуализации: «Для того, чтобы Бог вошёл в жизнь человека, необходимо подобно Иаиру и кровоточивой осознать, что на свете не существует чего-то более важного, чем Христос; устремиться к Нему как к последней надежде, не обращая внимания на внешние обстоятельства. Только в этом случае Господь сможет прикоснуться к нам, даже несмотря на нечистоту нашей души».

Наконец, ещё одно зачало – Хождение Христа по водам и утопание Петра (Мф. 14, 22–34). Оно несколько отличается от двух предыдущих, поскольку на первый взгляд не предлагает нам образов для сопоставления. Однако это не совсем так. Просто в первых двух случаях мы работали с образами различных героев. Теперь же сосредоточим внимание на образе апостолов, но в его динамическом аспекте, а именно обратим внимание на начало и конец развития сюжета. В этом случае контраст станет очевиден и может быть нами использован для формулирования идеи отрывка.

Зачало открывается небольшим прологом, который, на наш взгляд, содержит ключ к ситуации. «И тотчас понудил Иисус учеников Своих войти в лодку и отправиться прежде Его на другую сторону, пока Он отпустит народ». О чём может идти речь? Вспомним, что только

что Иисус накормил пять тысяч человек пятью хлебами и двумя рыбками. Люди в восторге. Вот, наконец, пришёл Тот, Кто может их возглавить, накормить, свергнуть иго ненавистных римлян. К слову, по верованиям иудеев, первое, что сделает Мессия, когда приидет, – подобно Моисею низведёт манну небесную на землю. Евангелие от Иоанна, в котором эта история описана более подробно, прямо говорит: после насыщения люди хотели сделать Христа царём, против Его воли (см. Ин. 6, 15). Безусловно, апостолы полностью поддержали эту инициативу, ведь до самого креста они думали, что в этом и есть предназначение их Учителя. Нетрудно догадаться, кто среди учеников Спасителя мог быть одним из самых горячих сторонников этого начинания. Поэтому и говорится, что Христос понудил, то есть в буквальном смысле силой заставил восторженных, перевозбуждённых учеников войти в лодку и уплыть из этого места. Сам же, отпустив народ, уединился в молитве.

Вероятно, в этом возбуждённом состоянии апостолы находятся и в лодке. Вдруг начинается буря, которая совпадает с молитвой Христа. Можно видеть, как постепенно по мере разрастания стихии пропадает энтузиазм апостолов. Здесь очень важно обратить внимание на детали повествования. Не случайно сказано, что Христос пришёл к ним в четвёртую стражу. По-нашему – это промежуток с 3 до 6 утра, а в лодку они сели, как сказано, вечером. То есть Господь попустил им бороться со стихией всю ночь. Зачем? К тому моменту, когда приходит Господь, у них давным-давно пропало всякое бывшее воодушевление. Именно в этом контексте и можно понимать случай с Петром. Возможно, как самый восторженный и ревностный, он дольше всех хранит воодушевление. Его просьба к Спасителю исполнена самоуверенности. Утопание окончательно протрезвляет и возвращает его на землю.

Слова, которые апостолы говорят Спасителю в лодке: «истинно Ты Сын Божий» – свидетельствуют о том, что теперь у них совершенно другое настроение, нежели в начале истории. Тогда им было всё понятно, они были уверены, что всё знают про Мессию и о том, что и как Он должен сделать и куда направиться. Сейчас они словно говорят Ему:

«Господи, мы не понимаем Твоего замысла, все наши представления о Тебе каждый раз оказываются пустыми и неверными, и поэтому лучше мы будем просто доверять Тебе. Только Ты Сам знаешь, что Ты должен сделать и как. Истинно Ты Сын Божий».

То есть перед нами не просто история о маловерии Петра. Это история противостояния человека (в лице Петра и апостолов) и Бога (в лице Христа). Замечательная, на наш взгляд, библейская параллель – это история борьбы Иакова и Бога. Та же самоуверенность патриарха, который привык во всем рассчитывать на свои силы, та же борьба, молитвенные метания перед лицом смерти от меча брата, попытки взять ситуацию под контроль своими силами, подчинить себе Промысел Божий (отсюда и просьба открыть имя), тот же отказ Бога («имя Мое чудно») и вразумление (повреждение бедра) и, как результат, смирение патриарха перед Творцом.

Именно в этом ключе можно понимать и слова Христа, обращённые к Петру: «Маловерный, зачем ты усомнился?». Речь не только о том, что Пётр усомнился в силе Христа, способной держать его на водах. А в том, что у него не хватает веры принять миссию Спасителя, который идёт на крест. Вспомним слова Петра: *Будь милостив к Себе, Господи! Да не будет этого с тобою* (Мф. 16, 22), и ответ Христа: *Отойди от Меня, сатана! ты Мне соблазн! потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое* (Мф. 16, 23). Именно это маловерие и есть причина того, что апостолы предпринимают близорукие попытки втиснуть Промысел Творца в рамки своей земной логики вместо того, чтобы смириться перед неведомым и с верой следовать за Спасителем.

После того, как мы реконструировали логику повествования, можно переходить к актуализации.

Пример актуализации: «Перед нами наглядный пример того, как Господь действует в жизни каждого из нас. Очень часто, особенно в минуту духовного подъёма, мы готовы с уверенностью говорить о том, чего хочет Бог и как Он этого хочет. Делаем глубокомысленные выводы о действии Его Промысла в нашей судьбе и судьбах тех, кто нас окружает. И вот что интересно: после каждого такого “духовного подъёма” неизбежно приходит шторм. Жизнь бьёт нас так, что мы кричим от ужаса подобно апостолам и начинаем тонуть от своего маловерия подобно Петру. Хотя только что знали все обо всём на свете. Это Господь выливает на нас ушат холодной воды, разрушает наши наивные представления. Он как бы говорит: “Успокойся, не нужно восторгов и пустых фантазий. Научись просто тихо доверять Мне и спокойно иди за Мной”. И так будет штормить до тех пор, пока мы подобно апостолам в той лодке, в смирении и трезвости, откинув все пустые мечтания, с полным доверием Богу не произнесём: “Господи, ничего не понимаю в этой жизни, только Ты Сам знаешь, как надо, ведь, истинно Ты Сын Божий”».

5

Итак, можно подвести итог. Категории поэтики литературного произведения могут довольно продуктивно использоваться в рамках современной библейской экзегезы. С их помощью толкователь может решать не только сугубо научные задачи, но и задачи пастырского и просветительского характера. Поэтому, на наш взгляд, учёному сообществу необходимо больше внимания уделять именно этому аспекту литературного анализа. Это предполагает изучение наработок отечественных филологов в области теории, а также практики интерпретации литературного текста, знакомство с опытом применения светских исследований в области экзегезы библейского текста, которым располагают западные коллеги, а также применение данной методологии на практике, в первую очередь на занятиях со студентами. Подобные задания могут обогатить учащихся не только интеллектуально, заставляя самостоятельно анализировать отрывок и устанавливая закономерности между элементами текста. Самое главное, они будут способствовать развитию их творческого мышления, что без сомнения пригодится им в будущей пастырской и просветительской работе.

Библиография

- Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979.
- Гаспаров М. Л., Фридендер Г. М.* Поэтика // Литературный энциклопедический словарь. [Электронный ресурс]. URL: https://literary_encyclopedia.academic.ru/6715/%D0%9F%D0%9E%D0%AD%D0%A2%D0%98%D0%9A%D0%90 (дата обращения: 20.12.2018).
- Григорий Богослов, свт.* Слова. Слово 30: О богословии четвёртое, о Боге Сыне второе. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Grigoriy_Bogoslov/slovo/30 (дата обращения: 20.12.2018).
- Ефрем Сирин, прп.* Толкование на книгу Бытия. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Efrem_Sirin/tolkovanie-na-knigu-bytija/3 (дата обращения: 20.12.2018).
- Романова Г. И.* Практика анализа литературного произведения (русская классика). М., 2017.
- Kugel J. L.* The Idea of Biblical Poetry. Parallelism and its history. New Haven, 1981.